

Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Историко-архивный институт
Высшая школа источниковедения, вспомогательных и специальных
исторических дисциплин

*К 85-летию Историко-архивного института
К 75-летию кафедры вспомогательных
исторических дисциплин*

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ И
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Материалы
XXVII Международной научной конференции

Москва, 9–11 апреля 2015 г.

Москва 2015

Княжеское сиротство: Об одном актуальном параметре престолонаследия на Руси XII в.

В знаменитом Уставе князя Всеволода Мстиславича есть фрагмент, который разошелся множеством цитат в учебники истории, в научно-популярные исследования и даже попадает в беллетристические тексты в качестве важной характеристики древнерусского общества. Речь идет о перечне так называемых *изгоев* – людей, так или иначе выпадающих из нормального течения социальной жизни, не имеющих то ли права, то ли возможности занимать место, которое принадлежало им изначально, как правило, по рождению: «Изгой трии: поповъ с(ы)нь грамоты не оумѣть, холопъ из' холопства выкупитса, коупѣць шдол'жасть. А се четвертое изгойство и себе приложимъ: аще кн(я)зь всиротѣть».

Эта выразительная характеристика причин и состояний, в особенности последняя ее часть, где говорится про сиротство князя, не раз возбуждала весьма основательные сомнения у исследователей в своей аутентичности, принадлежности к первой половине XII в., ко времени сыновей Мстислава Великого. Точнее будет сказать, что определение княжеского изгойства аутентичным не кажется уже почти никому из исследователей, дискуссия идет скорее о том, как поздно или как рано появилась эта приписка.

Мы попробуем взять на себя несколько нетривиальную задачу: отнюдь не настаивая на принадлежности самой записи к первой половине XII в., мы попробуем показать, что княжеское сиротство и изгойство были совсем не пустым звуком именно для этого времени и обсудить двунаправленный характер этой династической дефиниции. Бывает так, что неподлинный, не принадлежащий эпохе текст сообщает подлинную и, как нам представляется, весьма интересную правду о ней.

Начнем с обсуждения очевидного наполнения понятий *сиротство* и *осиротеть* в династическом обиходе Рюриковичей.

Историкам трудно было пройти мимо того факта, насколько неудачно складывалась княжеская карьера потомков Владимира Ярославича, старшего сына Ярослава Мудрого, который скончался при жизни своего отца. Ярослав не наделил в своем завещании осиротевших внуков (Владимировичей) тем, что причиталось бы его сыну, их отцу. Их собственное положение, а затем и положение их детей, оказалось демонстративно двусмысленным и вновь и вновь провоцировало существеннейшие княжеские конфликты. В самом деле, они, с одной стороны, как будто бы являли собой старшую ветвь потомков Ярослава Мудрого, но, с другой, – были исключены из нормального родового счета, не могли совершать восхождения по ступеням династической лестницы, которое было предусмотрено для

каждого Рюриковича. Неслучайно в «Поучении» Владимира Мономаха мы находим пассаж о том, что общие родственники предлагают ему сговор с целью лишить внуков несчастного Владимира Ярославича всего. Столь же неслучайно, однако, Мономах отвечает им отказом. И уж совсем неслучайно, что именно в этой родовой линии наших изгоев впервые после длительного перерыва появляется имя основателя династии – *Рюрик*, свидетельствующее о том, что они не оставили своих чаяний о старшинстве, о родовом наследии и династическом первенстве.

Складывается впечатление, что ситуация, когда сын умирает раньше отца и внуки становятся сиротами при живом деде остается неиссякаемым источником династической фрустрации на протяжении последней трети XI и начала XII столетия, фрустрации тем более сильной, если рано умерший отец занимал достаточно высокое место в княжеской иерархии. Как раз в эту эпоху род Рюриковичей значительно разросся, к концу века конкуренция между родными братьями в значительной степени сменяется конкуренцией между разнообразными кузенами, дядьями и племянниками. В этом противостоянии хорош каждый повод для того, чтобы объявить династические права противника ущемленными, а рано осиротевшие князья зачастую становятся легким объектом для подобного ущемления. И тем не менее, мысль о том, что в случае естественного хода событий им принадлежало бы многое, тоже, судя по всему, никуда не девается.

Позволим себе предположить, что косвенным образом рефлексия по поводу ненормальности подобной ситуации отразилась в том, как составитель «Повести временных лет» излагает и использует знаменитый апокриф об Аврааме, его отце Фаре и брате Аране (Ароне). Арана, пытавшийся спасти кумиров из пламени, погибает, но эта кара трактуется летописцем в весьма своеобразном ключе: «...згорѣ ту Аранъ . и оумре пре^д ѡцѣмъ . пре сѣмъ бо не оумираль снѣ предѣ ѡцѣмъ . но ѡцѣ пре^д снѣомъ . и ѡ сего начаша оумирати снѣове пре^д ѡцѣмъ». Не проводя грубых параллелей, можно сказать, что почти вся эпоха сложения «Повести временных лет» озаменована династической невозможностью преодолеть эту выходящую за пределы естественного порядка вещей ситуацию, когда сын умирает пред отцом, а не отец пред сыном.

Обратим внимание, что княжеское изгойство в ту пору не ограничивается внуками, осиротевшими при живом деде, оно имеет свойство проецироваться и на тех княжичей, кто попросту рано остался без отца. Таков, по-видимому, казус Давыда Игоревича, чей отец, Игорь Ярославич, хотя и пережил собственного отца, но скончался то ли не имея возможности, то ли не успев наделить своего совсем юного сына каким-либо столом. Подобное сиротство оказывалось с ту пору фактором пожизненным – трудно забыть сколь

поздно, с какими трудами и как ненадолго Давыду Игоревичу удавалось заполучить отцовское Владимиро-Волынское княжение.

Конечно, утверждение, что рано осиротевшему князю с точки зрения наследования власти приходится плохо, довольно тривиально в отношении любой династии. Специфической, хотя не уникальной чертой ранних Рюриковичей является тот факт, насколько при живом деде внуки-сироты не учитываются, выпадают из родового счета, причем на эту судьбу обречено, в сущности, все их потомство. Так происходит не только у Ярослава Мудрого, но и гораздо позже, в середине XII в., например, с осиротевшими внуками князя Вячеслава Владимировича, о котором нам еще предстоит сказать ниже. Кроме того, не только молодому князю плохо остаться без отца, плохо это и для династии в целом, поскольку данный факт постоянно провоцирует военный конфликт между должным и сущим.

Хотелось бы подчеркнуть, однако, что помимо этой – более очевидной – составляющей, идея изгойства / сиротства имела в княжеском обиходе домонгольского времени и другую сторону, менее заметную для современного наблюдателя, нигде эксплицитно не изложенную, но не менее действенную. Летописные источники демонстрируют, что в XII столетии никакому князю не удастся надолго закрепиться на главном, киевском, столе, если у него нет сыновей. Отчасти то же самое наблюдается и в отношении других старших, наиболее престижных и / или значимых княжеских столов. Это не абсолютный закон, но ярко выраженная тенденция. Иными словами, отсутствие мальчиков достаточно длительное время спустя после женитьбы, по-видимому, существенно снижает карьерный потенциал князя.

Обратим внимание на нескольких князей с явно нестандартной династической судьбой. Одним из первых на ум приходит, конечно же, Никола Святоша – первый, а на долгое время и единственный из русских князей, кто принял постриг не на смертном одре, не неволей, не в минуту смертельной опасности. Мы твердо знаем, что семья у Святоши была, была и дочь, ставшая женой того самого Всеволода Мстиславича, в уставе которого говорится об изгойстве, а вот сыновей, перешагнувших черту младенчества, судя по всему, у Святоши не было. Мы, разумеется, не хотим сказать, что именно из-за этого он постригся, но отсутствие наследников мужского пола, вероятно, облегчало принятие подобного решения, ведь приняв монашество при живом отце, он обрек бы своих виртуальных наследников на ту же участь, что и князь, при живом отце умерший.

Другой князь-иннок, Игорь Ольгович, проигравший Киев и годы спустя растерзанный толпой, как и положено любому Рюриковичу, в браке состоял. Однако никакие его сыновья ни при нем, ни при его жене нигде никогда не упоминаются, по-видимому, их попросту не было. Про Игоря нельзя, конечно, сказать, что он не усидел на киев-

ском столе именно поэтому – тому имелось сразу множество причин, но вполне вероятно, что свою роль сыграл и, так сказать, демографический фактор. Любопытно в этом свете, что в краткий миг согласия иметь Игоря своим князем, киевляне имеют в виду некий дуумвират: они предлагают княжение Игорю и его брату Святославу, у которого сыновья как раз таки были.

Число обсуждаемых примеров нам еще предстоит умножить, однако очевидно, что Рюрикович, достигший поры зрелости, если у него нет сыновей, княжить может, но на практике как правило не становится главой всего рода или большой родовой ветви, и эта ситуация «отцовского сиротства» столь же чревата конфликтами, что и ситуация «сиротства сыновнего».

При этом в конце XI и в начале XII в. Рюриковичи, что называется, насмотрелись и пострадали от изгойских конфликтов, а заодно и от конфликтов дядьев с племянниками. Династия вырабатывает довольно успешные защитные механизмы для предотвращения подобных ситуаций. Механизмов подобного рода, в сущности, два: один – более расплывчатый, по-видимому, более архаический, далеко не всегда действенный и в то же время – довольно универсальный. Отец может стремиться при жизни как можно раньше ввести мальчиков в родовую княжескую жизнь, так сказать, представить его родичам, а по возможности и наделить властью, ставя порой символизм кровного права на власть выше здравого смысла, сиюминутной практической необходимости.

Если говорить о вовлеченности в общеродовую жизнь, то здесь нельзя не вспомнить ту статью летописного свода, которая знаменита своим первым упоминанием о Москве. Князь Святослав едет в Москву к Юрию Долгорукому обедать. В этом церемониальном мероприятии его сопровождает, а, вернее, посылается вперед его сын-подросток, которому вскорости предстоит жениться на дочке Долгорукого. Но заодно Святослав везет на это мероприятие и своего внучатого племянника, совсем маленького княжича, который оказывается, тем не менее, легитимным представителем своего отца в этой ситуации – он преподносит, например, подарки Долгорукому и его ближним людям. Дед этого ребенка был киевским князем, на киевское же княжение будет много лет спустя вполне успешно претендовать и его отец. С этим, по-видимому, и связаны, так сказать, подчеркнута «взрослые» представительские функции его дитяти.

Еще более выразительна практика, когда властные и воинские полномочия на новгородском, к примеру, столе делегируются совсем уж небольшим мальчикам Рюриковичам. На них возлагаются обязанности, предназначенные явно более взрослому княжичу, и, казалось бы от взрослого воеводы или наместника князю-отцу было бы куда больше проку. Тем не менее, в летописи устойчивым образом проводится тенденция, согласно которой только Рюрикович – юн он

или стар – может быть полноценным носителем власти и, с другой стороны, если речь не идет о Новгороде, то наделение мальчика столом, хотя бы и отдаленным, позволяет заранее структурировать будущее владение землями и не позволить оставить его ни с чем, даже если тот рано осиротеет.

Однако, пожалуй, более важным, эффективным и, так сказать, формализованным становится другой механизм, который предотвращает развитие обеих интересующих нас ситуации династической ущербности, т.е. не дает сыну до срока остаться без отца, а отцу, в ту пору, когда он подходит к вершинам своей династической карьеры, оказаться без сыновей. Речь идет о договорах между взрослыми родными братьями, отцами семейств. Согласно этим договорам, тот, кому суждено пережить другого (с большей вероятностью младший участник «сделки»), не просто возьмет под свою опеку осиротевших племянников, но практически полностью станет им отцом.

Мы знаем, что подобные договоры были заключены сразу между двумя парами сыновей Владимира Мономаха, между Мстиславом и Ярополком и между их единокровными, но не единоутробными братьями – Юрием Долгоруким и Андреем Добрым. Такие соглашения нередко закреплялись в имянаречении. Так, один из младших сыновей Мстислава становится *Ярополком*, а один из сыновей Юрия – *Андреем*. Характерным образом, направленность этого имянаречения устроена так, что имя младшего из договаривающихся князей-братьев достается одному из сыновей старшего.

Впоследствии эта практика соглашений с использованием династических имен в качестве своеобразной символической печати, их удостоверяющей, будет многократно подхвачена и продолжена. Такое конструирование отцовства весьма характерно, например, для последней трети XII в., сопровождавшейся очередным витком усиления внутридинастических конфликтов. Для нас существенно, во-первых, определить начальный период функционирования данного механизма и, во-вторых, показать, что он не был чем-то естественным, автоматически присутствующим в родовой жизни, а задается целенаправленно и сознательно специальным договором.

Как кажется, в качестве начальной точки интересующей нас практики можно довольно отчетливо обозначить ту эпоху, когда сыновья Владимира Мономаха стали взрослыми и у них родились дети. В этом отношении очень любопытна судьба двоих из этих сыновей. Ярополк Владимирович заблаговременно заключает договор со своим старшим братом Мстиславом, после его смерти получает Киев и, к негодованию других родичей, весьма успешно печется об интересах родных племянников-Мстиславичей. Любопытно, что о его собственных биологических сыновьях, по крайней мере взрослых, мы решительно ничего не слышим. Сын у него появляется весьма поздно, уже в период киевского княжения, и реальной опорой – в от-

личие от адаптированных племянников – ему уже служить не может. Другой же брат, Вячеслав Владимирович, воплощает собой образ во время не застраховавшегося, претерпевшего все последствия от отсутствия страховки и сумевшего извлечь уроки из этой ситуации.

Его династическая судьба развивается весьма необычно. В юности он помогает своему старшему брату и участвует в военных экспедициях отца, вполне успешно осуществляет как символические, так и реальные, властные и военные, функции князя, в свой черед получая, например, от отца смоленский стол. Однако в дальнейшем, являясь совершенно взрослым князем, Вячеслав вдруг превращается в какое-то династическое недоразумение, будучи вынужден уступать то младшему брату, то племянникам, при попустительстве прочих родичей. Когда умирает его брат Ярополк, он лишь на считанные дни садится в Киеве, а потом – и не попытавшись бороться за свои права – уходит оттуда, оставив город сопернику, с которым его брат Ярополк благополучно справлялся. Такая ситуация ущербности длится почти полтора десятка лет, спровоцирована же она, по-видимому, тем, что у Вячеслава умер единственный взрослый сын, Михалко, а оставшиеся после него внуки по традиции, проявившейся еще во времена Ярослава Мудрого, деду не наследники и не опора. С тех пор, как не стало Михалко, другие князья регулярно признают родовое старшинство Вячеслава и столь же регулярно не дают ему этим старшинством воспользоваться.

Дело кардинально и существенно исправляется с того момента, когда он заключает со своими более чем взрослыми племянниками договор о союзничестве, оформленный как отношения отцовства и сыновства. Входя в эти отношения, он говорит Изяславу Мстиславичу, старшему из племянников «оу тебе ѿца нѣту а оу мене сѣна нѣтуть». Отметим, что Изяслав лишился биологического отца почти за 20 лет до описываемых событий. Сразу после этого акта конструирования отцовства и сыновства дядя и племянники легитимно утверждают в Киеве. Функции успешного состариться Вячеслава в триумvirате правителей отчасти носят церемониальный характер, но тем последовательнее подчеркивается и выделяется его роль старшего в летописном тексте.

С филологической точки зрения весьма характерно, что до эпохи Вячеслава Владимировича мы находим в летописи довольно много упоминаний о том, что старший брат, старший зять или даже не кровный родственник для того или иного Рюриковича становится *яко отец* или *во отца места*. Однако только с эпохи Вячеслава Владимировича небологического отца в летописи – и в диалоге, и в нарративе – можно именовать просто *отцом* безо всяких показателей метафоризации. Отныне он не «яко отец», не «во отца место», но просто «отец». Сам Вячеслав многократно именуется *отцом* своих племянников, а те – его *сыновьями*. Не менее любопытно, что *отцом*

в ту пору может именоваться и дядя по матери, а в андроцентрической системе наследования власти у Рюриковичей это несколько неожиданно и весьма симптоматично. Если говорить о прямой речи князей в Ипатьевской летописи, то производит впечатление, насколько охотно именно в этот период и именно такого рода искусственные сыновья используют обращение «отче», адресуясь к искусственным отцам. Во всяком случае, они делают это чаще чем сыновья родные, кровные.

Итак, можно сказать, что в начале 50-х годов XII в. династия нашла некое решение, как немолодому отцу не остаться без сына, как юному сыну не остаться без отца и, наконец, как племяннику не стать врагом своему дяде. Сиротство и бессыновство как и прежде воспринимаются как династический изъян, но подобран способ его преодоления. Разумеется, такая стратегия срабатывала не всегда, но ее тактическая и стратегическая продуктивность оказалась на удивление велика.

*В этой работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

А.Н. Медушевский (Москва)

Теория О.М. Медушевской и смена парадигм в современном гуманитарном познании

Теория когнитивной истории О.М. Медушевской (1922–2007) стала поворотной точкой в постсоветских дебатах по философии и методологии истории, ознаменовав переход к новой научной парадигме. Основы теории представлены в трех сводных изданиях трудов ученого: «Теория и методология когнитивной истории» (М.: РГГУ, 2008); «Теория исторического познания: избранные произведения» (СПб.: Университетская книга, 2010); «Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды» (М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013). В данных тезисах подводятся итоги изучения теории когнитивной истории за последние семь лет (2007–2014 гг.).

Историография осмыслила общий вывод О.М. Медушевской о смене парадигм в современной исторической науке – переходе от нарративистских (традиционных описательных и наивно-герменевтических) подходов к теории когнитивной истории (Медушевская О.М. История в общей системе познания: смена парадигм // Единство гуманитарного знания: новый синтез. М., 2007. С. 12–19). В обобщающих трудах констатировалось: теория О.М. Медушевской представляет собой новое «фундаментальное научно-педагогическое направление в теории познания прошлого» (С.О. Шмидт), «философское осмысление гуманитарных наук», определяющее перспективы «развития гуманитаристи-